

О МИФОЛОГИИ ДЕНЕГ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Автор: Н. Н. ЗАРУБИНА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Деньги давно вышли за рамки экономической сферы: будучи предметом рассуждений религиозных мыслителей и философов, моралистов и политиков, идеологов и художников различных направлений, они превратились в *миф*, ставший важнейшим элементом культуры. Отношение современного человека к деньгам в повседневной жизни определяется и регулируется отнюдь не последними достижениями экономического или социального знания, а мифами, без анализа и критических рассуждений предлагающими принять определенные представления о деньгах как базовой ценности современного общества. Исследования показали, что даже финансовые аналитики, валютные дилеры и пр. профессионалы перед дефолтом 1998 г. действовали, руководствуясь не только и не столько сугубо профессиональными соображениями, сколько мифами и не до конца рационально осознаваемыми культурными архетипами, мотивировавшими принятие решений, которые шли вразрез с собственно рыночной рациональностью [1, с. 249].

Распространение мифа денег в современной русской культуре совпало с восстановлением рыночной экономики. Однако является ли складывающаяся у нас мифология денег модернистской и рыночной? Мы предполагаем, что по своей социокультурной и социосемантической природе она уже не является таковой, а принимает постмодернистский характер со всеми присущими ему особенностями - релятивизмом, иррациональностью, эклектичностью и т.д. Это формирует и особый тип поведенческих стратегий в финансовой области, которые все больше утрачивают специфическую рыночную рациональность.

Социосемиотическая природа буржуазного мифа денег рынка

Задачей нашего исследования будет раскрытие смыслов денег как важнейшего современного мифа в том методологическом ключе, в котором это понятие определил Р. Барт, т. е., как *вторичной семиотической системы*, построенной на основании уже существующих в языке первичных конструкций: "то, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим... Миф как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных значений" [2, с. 239]. Мифы создаются не людьми, непосредственно занятыми *реальной* практической, предметно-преобразующей деятельностью (здесь формируются первичные семиотические конструкции, где непосредственно за словом стоит его реальный референт), а теми, кто так или иначе высказывается по поводу этой деятельности, то есть имеет в качестве референтов не сами реальные объекты, а уже го-

товые концепты, на основе которых и создаются новые понятия: "в понятие (мифологизированное - Н. З.) влагается не столько сама реальность, сколько известное представление о ней" [2, с. 244]. Таким образом, миф денег возникает, когда над деньгами как категорией хозяйственной жизни надстраивается - в семиотическом смысле - огромный пласт оценок, интерпретаций, философских и этических максим, идеологических конструкций и всего, что люди думают о деньгах, имеющего лишь опосредованное отношение к ним как реальному компоненту экономической и хозяйственной жизни.

Миф денег возникает (в зрелом виде) с утверждением культуры общества модерна на рубеже Нового времени. Это связано с тем, что в традиционных обществах, как и в социальных образованиях, использующих архаичные символы, деньги по преимуществу означают то, чем они действительно являются в этих обществах - средства, с помощью которых можно получить или сохранить реальные блага в их материальной или символической форме. Миф, основанный на нравственном, религиозном, философском, научном и т.д. осмыслении феномена денег, в традиционных нерыночных обществах только начинает оформляться. И лишь в период становления капиталистического рынка возникают предпосылки для становления мифа. Во-первых, в условиях рынка архаичные деньги, имеющие реальные означающие, соответствующие всегда конкретным формам социальных связей, постепенно заменяются деньгами как универсальной опосредующей абстракцией рыночного обмена. Из локального, обладающего конкретным значением средства реализации потребностей людей деньги превращаются в универсальную форму социальной связи, конституирующую многие особенности общества эпохи модерна. Именно тогда они оказываются в поле зрения философов, религиозных деятелей и прочих мыслителей, не занятых непосредственным осмыслением хозяйственных практик, но помещающих деньги в широкий контекст социального и духовного развития. Таким образом, становление буржуазной мифологии денег обусловлено развитием практик рыночных товарно-денежных отношений и их обобщением в социальной мысли. Во-вторых, у буржуазии есть потребность в закреплении, увековечении сложившегося порядка. В этих целях она реализует свое, по выражению П. Брудье, *символическое господство*, состоящее в производстве символических систем и навязывании их другим классам посредством создания разнообразных мифов [15, с. 63 - 65], утверждающих легитимность рыночного обмена и, соответственно, денежного обращения как наиболее оптимального, "естественного" порядка вещей. Р. Барт подчеркивает, что буржуазный миф "постулирует неизменность Природы" и "стирает следы" человеческой активности, предлагая готовые застывшие ментальные конструкции, служащие моделью принятия решений и развития поведенческих стратегий [2, с. 276].

Миф, в том числе и миф денег, создается путем сознательного или стихийного использования ряда механизмов. Вслед за Р. Бартом рассмотрим некоторые из них и проследим, как они работают при формировании мифа денег. Так, механизм "*тавтологии*", определение предмета через него же самого "служит укрытием, когда нам не хватает объяснений". Определяя предмет через него самого, стихийный или сознательный создатель мифа проявляет авторитарно-догматическое желание настоять на том, чтобы все оставалось как есть, не вдаваться в сложные объяснения и рассуждения, отбросить рациональность, воспользовавшись лишь ее видимостью, имитацией [2, с. 280]. Миф денег утверждает их универсальную значимость в качестве мерила всех ценностей, не вдаваясь в сложные рассуждения о том, подходят ли они на роль такого критерия, действительно ли возможно все измерить деньгами.

Механизм "*тождества*" в процессе формирования мифа служит для того, чтобы оградить сознание от тех явлений и процессов, которые не укладываются в рамки мифического понятия, избавить реципиента от необходимости осмысливать и объяснять для себя существование *Иначе возможного*. Если нечто не вписывается в рамки мифа, механизм тождества позволяет, в зависимости от ситуации, либо игнорировать это как незначительное, либо отрицать как очевидное нарушение естественного порядка

вещей и здравого смысла, либо провозгласить "экзотическим" явлением, в котором мы имеем дело с тем же мифологизированным предметом, но в несколько измененном виде. Например, согласно современному мифу, все измеряется деньгами. Но если что-то все-таки нельзя ими измерить, значит, это настолько незначительное или даже реально несуществующее явление, что на него не стоит и обращать внимание. Или, напротив, следует применить более сложный и изощренный механизм поиска денежного эквивалента, и все снова встанет на свои места и займет оправданное положение в иерархии ценностей. Такие, на первый взгляд, принципиально неизмеримые деньгами явления, как любовь, честь, справедливость и т.п., сегодня в контексте мифа денег или вообще отрицаются как нерациональное поведение, не согласующееся со здравым смыслом, или рассматриваются как нечто незначительное, с чем можно не считаться на фоне приоритета денежной выгоды. Либо же, напротив, за ними стремятся разглядеть очень сложные и далеко идущие расчеты, в конечном итоге, все равно приводящие к деньгам как абсолютному эквиваленту.

В качестве одного из основных механизмов мифотворчества Р. Барт выделяет "*квантификацию качества*", то есть сведение качества к количеству. В контексте нашего исследования этот механизм представляет особый интерес, поскольку для мифа денег он одновременно оказывается и важнейшим содержательным элементом. В качестве механизма мифотворчества квантификация качества тесно связана с описанными выше механизмами и является одним из способов снятия реального многообразия, сложности, разнокачественности явлений, их исторической динамики. Мифологизация предполагает, что вся "цветущая сложность" мира, требующая постоянных интеллектуальных усилий по ее восприятию, будет сведена к нескольким, а лучше одному параметру, представляющему наиболее "фундаментальным". Таким параметром оказывается количественная исчислимость, которая стала одной из основ позитивистского мировоззрения, утверждавшегося в западной культуре как раз в тот период, когда и товарно-денежные отношения утверждались в качестве универсальной формы хозяйственно-экономических связей. Познавательные принципы эмпирических наук, по существу своему состоящие в исчислении различных параметров изучаемых объектов, а также возникновение понятия стоимости в политэкономии постепенно сформировали представления об универсальности процедуры исчисления и ее фундаментальности по отношению к другим интеллектуальным процедурам: познать и понять - значит просчитать, исчислить. Миф денег в его современном виде констатирует универсальность денежного исчисления как средства оценки абсолютно всех предметов и явлений, возводит деньги (обладание ими, способность их зарабатывать и т.д.) в ранг универсального мерил достоинства и состоятельности личности ("если ты умный, то покажи свои деньги", "если ты такой умный, то почему ты бедный?" и т.д.). К. Маркс отмечал, что "*количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством*" [4, с. 272 - 273], фактически знаком метаязыка, на котором в рыночном обществе нередко осуществляется описание, оценка и сопоставление всех социальных явлений.

Созданный в рамках политэкономических учений миф о "человеке обменивающемся" и о "невидимой руке рынка", которая, заменяя Божественную волю, регулирует все хозяйственные, экономические, а также социальные, политические, культурные отношения, в буржуазном обществе распространился через разнообразные научные, идеологические, политические и т.п. конструкции и подчинил себе прочие представления о месте денег в жизни социума и человека. Сформировался миф *монетаристского универсализма*, в контексте которого язык денежной рациональности признается *универсальным метаязыком* для описания не только хозяйственно-экономических, но и всех социальных, культурных, нравственных и пр. реалий. Отныне деньги являются не просто средством достижения конкретных благ, а подлинной "мерой всех вещей" - лишь успех в денежном выражении представляет собой самый верный знак и правоты, и справедливости, и ума, и добродетели, и даже, как показал М. Вебер, богоизбранности и спасения души. То, что не поддается описанию на этом

языке, рассматривается как внесемиотическая сфера, пребывающая вне цивилизации и даже как бы не существующая. Чтобы стать социальной и культурной реальностью, необходимо быть осмысленным в знаках метаязыка - получить денежный эквивалент в виде рыночной цены, воплощенный в расхожей формуле "Я стою столько-то". В рамках буржуазного мифа монетаристского универсализма формируется представление о "*честно заработанных деньгах*", которые интерпретируются как знак несомненных заслуг перед обществом, вознаграждение за усердие и предпринимательский талант, эффективность и востребованность. В контексте рыночного мифа устанавливается соответствие между трудом и получаемым вознаграждением в его денежной форме, будь то прибыль или заработная плата.

К. Маркс в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" показывает особенности буржуазного мифа денег как итог восприятия их в качестве самостоятельной, автономной силы, воспринимаемой как сила "*божественная*". Природу мифологической "*божественности*" денег рынка Маркс видел в том, что в них фиксируется отчуждение человеческих отношений и свойств личности, их противопоставление человеку и обществу как внешней силы, господствующей над ним, подобно Божеству: "*эта божественная сила денег кроется в их сущности, как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся родовой сущности человека. Они - отчужденная мощь человечества*" [4, с. 295].

Мифологизацию денег рынка в качестве нового всемогущего Божества, управляющего судьбами и жизнью людей, отмечают и другие исследователи. С. Московичи пишет, что "всемогущество денег роднит их с представлением о Боге" [3, с. 412] и обуславливает формирование нового "монетарного монотеизма". Этот "монетарный монотеизм" практически подменяет настоящий монотеизм, хотя и говорить об этом считается "неприличным": "Странно, что мы слышали крик "Бог умер", и при этом не видели буржуа, прозаического и посредственного, породившего в прошлом веке другого бога, источника нашей земной жизни" [3, с. 412].

Обожествление денег порождает и почти религиозное поклонение им. Однако этот "монетарный монотеизм" рыночных мифов представляет собой нечто иное, чем языческое поклонение Золотому Тельцу как не только символу, но и источнику богатства, благополучия, власти. Божественности денег рынка в буржуазном мифе соответствуют рациональные практики *спасения*, которые являются "специфически религиозным образом жизни, определяемым какой-либо центральной идеей или положительной целью" [5, с. 219]. Подобно тому, как верующий подчиняет весь свой повседневный образ жизни единой цели религиозного спасения и соблюдает необходимые для этого правила и принципы, "верующий" в деньги рынка и "спасающийся", то есть решающий все свои важнейшие жизненные задачи через них человек сознательно и рационально подчиняет свою жизнь погоне за ними.

При этом почитаемое Божество, объект всеобщего поклонения, совершенно не обязательно воспринимается как безусловный источник Добра. Деньги как раз оказываются капризным и жестоким Богом. Раскрытые К. Марксом механизмы отчуждения и товарного фетишизма позволяют понять основы формирования весьма распространенной в буржуазном обществе в период его становления мифологемы *денег-разрушения*, разложения, распада, отождествляющей деньги со *злом*. Этот миф можно интерпретировать как отражение того факта, что превращение рынка в хозяйственную доминанту связано с чрезвычайно болезненным разложением или даже насильственным разрушением естественных традиционных связей человека с первичными социальными и природными основаниями его бытия, названным К. Поланьи "сатанинской мельницей".

Особенности буржуазного рыночного мифа денег в русской культуре XIX-XX веков

Буржуазный миф денег рынка в русской культуре эпохи развития рынка XIX - начала XX вв. отличался от аналогичного мифа на Западе. Это обусловлено тем, что

буржуазная мифология в России этого периода - модернизирующемся, но все же окончательно не сформированном рыночно-капиталистическом обществе, была не основным, а "периферийным" и "пограничным" семиозисом. Для русского общества конца XIX - начала XX вв. в целом буржуазный миф еще не стал универсальным метаязыком, выходящим за пределы системы ценностей самого класса буржуазии. Очевидно, это связано с тем, что буржуазия не оформилась как класс и не сформулировала собственной мифологии как универсального метаязыка, способного обеспечить ее символическое господство над другими группами. Напротив, традиционные социосемантические системы продолжали сохранять свое доминирующее положение, заставляя буржуазию формулировать свои ценности с их помощью. Например, еще в XVIII в. Б. Франклин, формулируя максимы поведения добропорядочного буржуа, писал, что "пустой мешок прямо стоять не будет". В данном случае он имел в виду, конечно, не реальные статические свойства мягкой упаковочной тары, а описывал нравственные добродетели ("стояния прямо") в семантике денег и благосостояния ("полный мешок"). В России же начала XX в. деловая газета "Биржевые ведомости" выходила под девизом "Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли", описывая таким образом ориентацию буржуазии на деньги в терминах чести, являющихся языком традиционных служилых классов.

Отсутствие универсального буржуазного мифа, описывающего капиталистический порядок и, в частности, тотальность денежных отношений в качестве естественного, единственно возможного в справедливом обществе порядка вещей постоянно заставляло русскую буржуазию приспосабливаться к символическому господству других семиозисов, а собственную мифологию развивать на периферии. Поэтому и попытки найти общий язык с другими социальными группами осуществлялись в их традиционной семантике долга и служения. Известные филантропические и меценатские деяния русских предпринимателей второй половины XIX - начала XX вв. прочитываются именно в ней, а не в буржуазной семантике естественной общепольности рынка и денег-заслуги, как это было, например, в конце XIX - начале XX вв. в США.

Буржуазный миф денег складывался и распространялся в России главным образом внутри капиталистической предпринимательской субкультуры. Прежде всего, именно для нее деньги стали большим, чем они есть на самом деле, - естественным и единственным универсальным мерилем всех материальных, социальных, нравственных ценностей. Автор публицистического издания "Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны" описывал это так: "в купеческом обществе понятия: деньги, сила, ум, даже честь и даже совесть почти равнозначащи... У такой природы взгляд на все окружающее его, на все, из чего сложилась его жизнь, прямо вытекает из понятия: честь - деньги, деньги - честь! На семейство, на общество, не говоря уже про торговлю, он смотрит с этой точки, из всего он старается выжать деньги..." [6, с. 45; 52].

Но за пределами буржуазного семиозиса в русской культуре миф денег-зла, денег-нарушителя естественного порядка вещей сохранялся весьма устойчиво даже в условиях интенсивной индустриально-капиталистической модернизации начала XX в. и был распространен не только у эксплуатируемых классов и революционеров, но и среди гуманистически ориентированной интеллигенции. Уже в конце XIX в., в период подъема русского индустриального капитализма, Г. И. Успенский в очерке "Книжка чеков" писал, что развитие капиталистического рынка лишает живых людей их личностного, культурного и духовного измерения, превращая в "человека-гривенник", "человека-полтину", "человека-рубля", так до "человека - чековой книжки". Гигантская мясорубка денег перемалывает все это разрушенное, разъятое на "полезные" составляющие, живое сырье в новое дело, причем "какого бы рода дело это ни было, всегда что-то очень похожее на опустошение, на исчезновение, на смерть чего-то, что было и чего не стало, остается по приведении этого дела к окончанию" [7, с. 354 - 355].

Мифологема денег-разложения связана и с характерной для русской культуры мифологемой *денег-грязи*. Для мифа - вторичной семиотической конструкции - деньги

не просто проходят через множество рук и потому могут стать реальным переносчиком инфекции (как и предостерегают врачи, люди, занятые не мифами, а реальными практиками), они несут метафорическую грязь, поскольку являются видимым продуктом распада непосредственных человеческих отношений. Даже в современном обществе, культивирующем миф денег как абсолютного эталона и кода кодов любой социальной коммуникации, мы констатируем появление большого массива анекдотов о "новых русских", где они погружаются в грязь и нечисты, что, по нашему мнению, можно интерпретировать через миф денег-грязи [8, с. 265].

Мифологема денег как знака зла, а значит преступления, порока прослеживается в нелюбви и подозрительности к "нажитым" деньгам, независимо от реальных способов, которыми они были заработаны. Именно этим мифом питалось презрение русских родовых аристократов и служилых дворян к купцам-предпринимателям, недоверие и ненависть крестьян к "кулакам" - разбогатевшим односельчанам, а также и враждебность к "кооператорам", "челнокам", фермерам в период перестройки и т.д. Этот миф превращает деньги в символ несправедливости и хаоса, нарушения гармонии и порядка в мире. Если мы рассмотрим корпус русской классической литературы XIX - начала XX вв., посвященной купечеству и буржуазии (произведения П. И. Мельникова-Печерского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, М. Горького, В. Я. Шишкова и др.), то станет очевидным, что авторы, как правило, связывают происхождение крупных состояний с каким-либо преступлением, совершенным основателем династии. Даже если это и не прямой разбой, убийство или иное тяжкое преступление, все равно накопление денег объясняется хитростью, беспринципностью, жестокостью и тому подобными пороками.

Миф денег - злого божества современного общества - получил развитие в радикальной коммунистической идеологии и мифологии восстановления натуральных форм хозяйствования и нерыночной экономики в условиях индустриальной модернизации. Коммунистический миф, в противоположность буржуазному, утверждал противоестественность, а потому и временный характер денежных отношений, которые непременно должны "отмереть" с построением коммунизма, когда человек снова, без посредства денег соединится с естественными предпосылками своего бытия, с обществом и с другими людьми. В этой семантике развивались как научные обоснования плановой экономики, так и предсказания "общего кризиса капитализма" и краха его экономической системы со следующим за ним непременным становлением нерыночной, непосредственной деньгами централизованной экономики в качестве порядка, соответствующего новому братству и равенству людей. Миф возврата к натуральным экономическим связям, являющимся "естественными", "неотчужденными", утвердился в качестве господствующего метаязыка, описанию на котором подвергались другие семиозисы. Это означало, что все высказывания в любых сферах, будь то экономическая или социальная наука, общественно-политические идеи, художественные, моральные и т.д. суждения, должны были приводиться в соответствие с ним или запрещаться. Так, ученые-экономисты, придерживавшиеся монетаристских взглядов, социальные мыслители, считавшие рыночные отношения наиболее адекватной для современного индустриального общества формой социальности, не имели возможности для прямого и открытого развития своих взглядов и были вынуждены высказывать их в форме, например, "критики буржуазных теорий".

Однако русскую культуру и в дореволюционный период капиталистической модернизации, и даже в советский период нельзя считать полностью отрицающей рыночный миф денег как рационального порядка и всеобщего хозяйственного, социального и коммуникационного эквивалента. Любой миф включает не достоверное, а "лишь смутное знание, образуемое из неопределенно-рыхлых ассоциаций", которое "имеет ценностную природу и не подчиняется критерию истины" [2, с. 244]. Как показал российский исследователь культуры А. Л. Ястребов, осмысление денег и формирование мифа в культуре носит амбивалентный характер: с одной стороны, отыскиваются все новые формы порождаемого ими зла, с другой и одновременно - утверждает-

ется их реальная необходимость. В русской культуре "негативный культ богатства в результате культурных и прежде всего практических метаморфоз переутвердился, приобрел значение интегрирующего начала, коммуникативного комплекса... Ситуация эмоциональной неопределенности уступила место магическому ритуалу исчисления существования в денежных знаках" [9, с. 509]. Представляется, что действительно господствующим буржуазный миф денег рынка стал в России в период перестройки 90-х гг. XX в., когда целый ряд влиятельных ученых, идеологов и политиков заговорили о том, что рынок является не только универсальным экономическим механизмом, но и "адекватно" описывает все прочие сферы социальной и культурной жизни с помощью денег как универсального мифа и метаязыка.

Постмодернистский миф денег в современной российской культуре

Мифология денег начала XXI в. по своей социосемантической сути - не только буржуазной мифология, призванная закреплять рыночный тип социально-экономических отношений как само собой разумеющийся и формировать соответствующие ему стереотипы поведения и сознания. Она не может не означать новые смыслы и функции денег, которые приобретаются ими в условиях новых социально-экономических и коммуникационных реалий, прежде всего интенсивного развития виртуальной экономики финансов и денег-симулякров, оторванных как от реального хозяйства, так и от рынка с присущими ему критериями эффективности и рациональности. В постсоветской России складывание современной мифологии денег совпало с, по существу, спонтанными социально-экономическими трансформациями, наложившимися на общемировые процессы постмодернизации и глокализации. Поэтому российская мифология денег представляется особенно интересной: она одновременно и фиксирует царящий в культуре и обществе хаос, и формирует миф, претендующий на привнесение в него единого символического кода.

В современном обществе деньги из опосредствующей абстракции рыночного обмена все больше становятся всеобщей формой коммуникации, кодом кодов, вследствие своей универсальности и абстрактности теряющим реальный смысл. Деньги рынка означали эффективность, конкурентоспособность и прочие атрибуты рыночного порядка хозяйствования, распространяемого практически на все сферы жизни общества. Деньги эпохи постмодерна превращаются в пустой знак, которому можно приписать любые означаемые и означающие, поскольку он, вследствие именно этой универсальности, не несет никакого конкретного содержания. Они могут, не вызывая логических и смысловых противоречий, иметь совершенно противоположные означаемые: рост экономики, создание и движение реальных ценностей, инновационный бизнес, внедрение передовых достижений науки и технологии, - или деструктивные для реальной экономики виртуальные финансовые игры, развал производств, наркобизнес, преступные силовые акции и т.д. Таким образом, деньги оказываются не привычными для рыночного общества знаками подлинной реальности экономического роста, а означают лишь реальность денег. Как утверждал Ж. Бодрийяр, экономика постмодерна производит замкнутый на самого себя код, а деньги оказываются пустыми знаками в том смысле, что не находятся ни в каком соответствии ни с реальной экономикой производства, ни даже с рыночным обращением [10, с. 68; 75 - 76]. Культовый российский писатель-постмодернист В. О. Пелевин, больше и лучше других раскрывший постмодернистскую мифологию денег в современной русской культуре, пишет о том, что все социальные, культурные и пр. явления, которые традиционно воспринимаются как знаки экономического роста, ныне при всей их очевидности означают лишь его иллюзию: "В Москве строят небоскребы, съедают тонны суши и вчиняют миллиардные иски. Но этот бум имеет мало отношения к экономике". А к чему он имеет отношение? К потокам денег: "Просто сюда со всей России стекаются деньги и немного

увлажняют здешнюю жизнь перед уходом в оффшорное гиперпространство" [11, с. 100].

В контексте буржуазного мифа деньги были знаком всех вещей, отношений и связей, которые за них можно приобрести, универсальным масштабом и эквивалентом для соотнесения всех ценностей. К. Маркс писал: "Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила... Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не уродлив, ибо действие уродства, его отталкивающая сила, сводится на нет деньгами..." [4, с. 249]. Семантика постмодернистского мифа денег иная: здесь уже не деньги являются символом всех возможностей, а наоборот - все социокультурные явления и процессы символизируют деньги. Как отмечает Л. К. Салиева, в произведениях В. Пелевина "панораме жизни соответствует целая система символов, содержанием которых являются деньги. Деньги - содержание всего. В этой системе все, что составляет человека и его культуру, является символом денег" (<http://pelevin.nov.ru/>). Даже первичные, витальные импульсы человека оказываются не самодостаточными, а предстают как символы денег: "...секс все чаще оказывается привлекательным потому, что символизирует жизненную энергию, которая может быть трансформирована в деньги - а не наоборот" [12, с. 115]. В современном обществе все цели, все действия имеют в качестве универсального кода, позволяющего их интерпретировать в качестве социально значимых, именно деньги: "любой имидж имеет четкое денежное выражение. Если даже он подчеркнута некоммерческий, то сразу возникает вопрос, насколько коммерчески ценен такой тип некоммерциализированности. Отсюда и знакомое любому чувство, что все упирается в деньги. И действительно, все упирается в деньги - потому что деньги давно уперлись сами в себя, а остальное запрещено" [12, с. 118].

В современной российской мифологии денег их универсальная символическая природа нередко интерпретируется в привычных и понятных постсоветскому человеку материалистических терминах, и тогда деньги описываются как, по выражению В. Пелевина, "субстанция, из которой состоит мир" [12, с. 131], своего рода первоматерия или первоэнергия. Они же определяют и законы Вселенной, превратившись в ее универсальную модель со своими специфическими законами. Сформировавшийся еще в период зрелого рыночного общества во второй половине XIX в. миф денег-божества, основанный на представлениях о господстве денег и рынка над обществом, в эпоху постмодерна, когда деньги утратили референтов в экономической реальности, трансформировались в миф *денег-стихий*, самостоятельной энергетической сущности, которая существует автономно от человека. Но между монотеистической мифологемой Божества, к которому ведет рациональное спасение, и мифологемой стихии-первоматерии (-первоэнергии) существует принципиальная разница: к Богу можно прийти и обрести спасение, подчиняясь его заветам, то есть рациональным принципам мирового порядка, доведенным до сведения людей. Тогда деньги рынка в качестве буржуазного мифа действительно, как подчеркивал Р. Барт, означают стабильность существующего порядка. А мифологема стихии предполагает господство внешней силы, неопределенность, игру случайностей, которую невозможно познать и рационально освоить, но лишь "предугадать", "задобрить" или подчинить себе с помощью иррациональных харизматических свойств личности и использования особой магии. Поэтому, согласно современному мифу, человек способен управлять стихией денег, но не только и не столько рациональными способами управления рынком, а скорее с помощью иррационального магического воздействия. Ритуалы по привлечению денег являются одним из важнейших элементов современных городских магических практик, рассматривающих деньги как некую "тонкую энергию", на которую с помощью обряда можно воздействовать, привлечь или отпугнуть, которая способна отмечать избранных или избегать "проклятых". Показательно, что работа одного из самых известных финансистов и биржевых игроков Дж. Сороса названа им "Алхимия финансов", что уже само по себе подчеркивает мифологические и мистические метафоры виртуальных финансовых игр, в процессе которых колоссальные суммы денег пере-

мещаются, повинясь не строгой рациональности рынка, не экономической целесообразности, а *внерациональным* принципам удачи, успеха и поражения. Эта игра сродни алхимическому воздействию на благородные металлы, из которых с помощью высших - или, если вспомнить западноевропейскую мифологию, inferнальных, сил получается золото. Современный человек, считая рациональные рыночные практики недостаточными и не надеясь более на свои силы в научно обоснованном управлении производством или финансовыми потоками, стремится "привлечь тонкую энергию денег посредством использования магических зеркал и пентаклей, сакральных талисманов и символов" [13].

В эпоху виртуальной финансовой экономики буржуазный миф *заработанных* денег все больше вытесняется мифом *денег-выигрыша*. Поскольку у денег виртуальной экономики финансов нет референтов в виде эффективных рыночных и производственных практик и реального хозяйственного роста, они могут означать любые практики, и наиболее привлекательными, естественно, оказываются самые быстрые и простые, а отнюдь не те, которые связаны с длительными и обременительными усилиями. Недаром здесь один из наиболее привлекательных способов обогащения - биржевая *игра* на курсах ценных бумаг и валют. Даже осторожного обывателя привлекают возможности "быстро освоить" принципы этой игры с помощью множатых мастер-классов, открытых семинаров и т.п., реклама которых висит практически в каждом вагоне московского метро. Игровая, случайная, необъяснимая рационально динамика успеха и проигрыша является столь же необходимым атрибутом современного порядка вещей, как строгая рациональность и тотальная исчисленность в модернистском мире классического рынка. Трансформация буржуазного мифа денег как знака упорядоченности всех практик и рыночной эффективности связана с возникновением в современных условиях нового типа рациональности, названного С. А. Кравченко "играизацией", отражающей нелинейную динамику общества [15].

Замена буржуазного рыночного мифа денег-божества постмодернистским мифом денег-стихий приводит к их окончательному выведению из поля действия моральных оценок. В рамках буржуазного мифа еще присутствовали ценностные суждения относительно денег: они воспринимались как символы незыблемого рационального порядка, принятие или отрицание которого вело к отождествлению денег, соответственно, с благом или со злом. Стихия же, в отличие от порядка, связана с природными, космическими, а не социальными и культурными явлениями, и поэтому сама по себе находится вне моральных оценок, вне добра и зла, хотя может порождать и то, и другое. В этом находит отражение такое отличие постмодернистской культуры от культуры модерна, как отсутствие единого нравственного стандарта, универсальных нравственных абстракций и как следствие - т.н. аничной морали (З. Бауман). Оценка любого явления становится контекстуальной, ситуативной, зависимой как от внешних обстоятельств, так и от их интерпретации субъектом. Таким образом, происходит возврат к домодернистскому, добуржуазному ценностному релятивизму, который еще М. Вебер противопоставлял "сквозной рационализации" образа жизни на основе универсальных нравственных абстракций.

Что же может вернуть единство распадающемуся мирозданию, проникнутому иррациональной игрой случая? Существует ли универсальный метаязык и миф, с помощью которого можно было бы его описать? Поскольку каждая из автономных и самодостаточных сфер создает свои собственные семиозисы, среди которых нет доминирующего, представляется, что речь идет скорее об универсальном коде, на основе которого можно расшифровывать это многообразие. Современный миф денег, в отличие от буржуазного рыночного, не утверждает порядок мироздания, связанный с вполне реальным социально-экономическим устройством и описываемый конкретным метаязыком. В чрезвычайно сложной, принципиально неоднозначной, не имеющей ни ценностных, ни нравственных и эстетических, ни семантических метаязыковых доминант реальности постмодерна он утверждает наличие не порядка в рациональном модернистском смысле этого слова, а универсального кода кодов, который

способен служить общей основой для прочтения и интерпретации - а не упорядочения или объяснения! - этого разнообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козин Ш. К., Ахметова М. В.* Мифологический мотив и манипулятивная деятельность на финансовых рынках // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005.
 2. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
 3. *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998.
 4. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К.* Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
 5. Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М.: ИНИОН, 1985.
 6. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны М., 1865. Т. 1.
 7. *Успенский Г. И.* Книжка чеков // *Успенский Г. И.* Сочинения в двух томах. М.: 1988.
 8. *Зарубина Н. Н.* Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004.
 9. *Ястребов А. Л.* Богатство и бедность: Поэзия и проза денег. М.: Аграф, 1999.
 10. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
 11. *Пелевин В.* Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004.
 12. *Пелевин В.* Generation "П". М.: Вагриус, 1999.
 13. *Матвеев С.* Магия денег. М.: Рипол, 2005.
 14. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
 15. *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО-Университет, 2006.
- Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.